

Оглавление

Примечание автора	7
ЧАСТЬ I. СМЕРТЬ	9
Неизвестная девушка, университет Мортимер.....	11
Салем, двенадцать лет.....	15
ГЛАВА I. Салем, двадцать лет. Наши дни.....	25
ГЛАВА II. Салем.....	37
ГЛАВА III. Салем.....	53
ГЛАВА IV. Салем.....	61
ГЛАВА V. Салем.....	71
ГЛАВА VI. Каз	83
ГЛАВА VII. Салем.....	93
ГЛАВА VIII. Салем	103
ГЛАВА IX. Салем	113
ГЛАВА X. Салем.....	123
ГЛАВА XI. Каз	135
ЧАСТЬ II. РАЗЛОЖЕНИЕ.....	141
ГЛАВА XII. Неизвестный	143
ГЛАВА XIII. Салем	147
ГЛАВА XIV. Салем.....	159
ГЛАВА XV. Салем. Восемь лет назад.....	171
ГЛАВА XVI. Салем. Наши дни.....	179
ГЛАВА XVII. Салем.....	193
ГЛАВА XVIII. Салем	209
ГЛАВА XIX. Салем	219

ГЛАВА XX. Салем.....	229
ГЛАВА XXI. Салем.....	243
ГЛАВА XXII. Салем.....	257
ГЛАВА XXIII. Салем.....	267
ГЛАВА XXIV. Каз.....	275
ЧАСТЬ III. ИССТУПЛЕНИЕ.....	285
ГЛАВА XXV. Салем.....	287
ГЛАВА XXVI. Салем.....	307
ГЛАВА XXVII. Салем.....	323
ГЛАВА XXVIII. Салем.....	333
ГЛАВА XXIX. Салем.....	351
ГЛАВА XXX. Салем.....	369
ГЛАВА XXXI. Салем.....	381
ГЛАВА XXXII. Салем.....	391
ГЛАВА XXXIII. Салем.....	401
ГЛАВА XXXIV. Салем.....	413
ГЛАВА XXXV. Салем.....	423
ГЛАВА XXXVI. Салем.....	433
ГЛАВА XXXVII. Салем.....	447
Эпилог. 5 лет спустя.....	457
Эпилог. 5 лет спустя. Салем.....	469
Благодарности.....	476

*Всем, кто когда-либо чувствовал
себя непризнанным и недостойным любви:
одиночество может ощущаться сродни
беспредельной агонии.
Но самый темный миг — перед рассветом.
Однажды и ваше солнце взойдет*

Примечание автора

Дорогой читатель,

спасибо, что выбрал мою книгу. «Энигма», по сути своей, — история об одиночестве и любви. В ней присутствуют мрачные темы, загадочная атмосфера, которая будет сопровождать тебя на страницах, и жаркая история любви, слегка нетрадиционная, немного неординарная, чуточку безумная. *Она* — одна из моих самых завораживающих и непоколебимых героинь, а *он* — тот, кто выводит ее из себя, пытаясь пробиться сквозь ее железный панцирь.

Я хотела бы перечислить поднимаемые в книге темы, чтобы ты мог решить, стоит ли продолжать чтение.

История включает в себя: откровенные сексуальные сцены, предназначенные только для взрослых, подробные сцены смерти, описание аутопсии, самоубийство (упоминается во вступительной главе «Смерть улыбается...»), принуждение, упоминание о суицидальных мыслях, упоминание о сексуальной травме, упоминание о сексуальном домогательстве несовершеннолетнего, социальный ostracism и последующая стигматизация, депрессия, посттравматический стресс, притворное несогласие по обоюдному согласию, сомнительное согласие, тайное общество.

Надеюсь, вы насладитесь путешествием в Мортимер вместе со мной.

С любовью,
RuNyx

*Во всяком хаосе есть мир,
во всяком беспорядке — тайный порядок.*

Карл Юнг

Через рану в вас проникает свет.

Руми

Уачмв I

Смермв

*Красота внушает страх.
Что бы мы ни называли красивым,
мы трепещем перед ним.*

Донна Гартт
«Тайная история»

Смерть улыбается...

Неизвестная девушка, университет Мортимер

Девушка стояла на краю утеса. Вокруг не было ни проблеска лунного света, способного позволить хоть кому-нибудь стать свидетелем ее гибели, ни единой обеспокоенной души, кто мог бы заставить ее усомниться, ни звука, способного заглушить шум моря и шепот ее морального упадка.

О, девушка пребывала в здравом уме и рассудке. И все же той безлунной ночью она стояла на утесе, прокладывая себе путь к гибели, приставив к голове невидимый пистолет собственного изготовления.

Вероятно, все могло бы сложиться иначе, если бы ей только хватило смелости. Мир считал ее отважной. Такой ее и запомнят. Ничто не говорило об обратном. Назовут ли произошедшее убийством, самоубийством или несчастным случаем? Станет ли она девушкой из новостной сводки, которую толкнули невидимые руки, или той, что прыгнула по собственной воле? Или, возможно, все сведется к трагическому падению, потому что девушка слишком близко подошла к краю. Буквально, образно, кто знает?

Ветер свистел вокруг нее, развевая подол платья и отбрасывая волосы на лицо. Для любого стороннего

наблюдателя девушка представляла собой неземной, незабываемый образ.

Образы. Фотографии. Воспоминания.

У нее их было так много.

Она не хотела стоять на этом утесе.

Но ей пришлось. Иного выбора не оставалось, только не для нее.

Ведь они смотрели.

Они неустанно наблюдали.

Даже когда она стояла на утесе, взвешивая свое решение, свой выбор, свою смертность.

Даже когда шагнула ближе к краю, дрожа всем телом, которое противилось указаниям разума.

Даже когда она закрыла глаза и совершила прыжок, ветер завывал у нее в ушах, а тишину на долю секунды разорвал ее пронзительный крик, прежде чем резко оборваться.

Они наблюдали, как она умирала, лежа на темном песке беспросветной ночью.

*Я испытывал причудливое удовольствие
от своего упадка.*

Роберт Браунинг
«Паулина: фрагмент исповеди»

...И она улыбается ей в ответ

Салем, двенадцать лет

Смерть была единственной правдой жизни. Впервые мысли о смерти посетили ее в четыре года.

Салем помнила их столь отчетливо, потому что воспоминания отпечатались глубоко в душе. Играя, она забрела в расположенный за домом лес и свалилась в яму. С такого расстояния никто не мог услышать ее плач и крики. И в этой темной яме, когда ей было всего лишь четыре, Салем подумала, что умрет. Она уверилась в этом, и сама мысль о смерти внушала страх. А потом она увидела, как рядом плюхнулось тело дикого кролика с разодранной шеей и вывалившимися наружу внутренностями. И юный разум Салем, пропитавшись ужасом перед лицом смерти, заикнулся на кролике. Тогда она впервые осознала, что под кожей каждого существа что-то скрывается.

В конце концов ее отыскала Джуни, собака их семьи, ее громкий лай привел к девочке остальных. Но несколько часов Салем провела в норе с мертвым кроликом, и ее восприятие и мысли менялись, преобразовывались, перестраивались.

Сейчас Салем гладила шерсть Джуни, обретая успокоение в тепле ее мягкого тела, как и в тот роковой день, воспоминания о котором промелькнули у нее перед глазами. Джуни, с ее прекрасной золотистой шерстью и еще более прекрасным сердцем, — единственное в мире существо, кого взволновало исчезновение Салем и кто отправился на ее поиски.

Салем смотрела на тело своего дедушки, почтительно сидя на его похоронах, следуя указаниям матери относительно поведения на публике, а Джуни устроилась рядом с ней.

Смерть — любопытное явление. Естественная или внезапная, достойная или неприглядная, жестокая или спокойная, она оставалась единственной универсальной истиной, о которой все лгали. Большинство знакомых Салем взрослых ни разу в жизни не задумывались о смерти, пытались убежать от нее и в то же время направляясь напрямик в ее объятия. Она не знала, понимали ли они то, что она осознала в столь юном возрасте, — смерть неизбежна. Она преследовала каждого с момента первого вздоха и настигала во время последнего.

Может, именно поэтому Салем так интриговало, что происходило после того, как гибель покоряла смертных существ.

Не такая уж малышка, Салем в свои двенадцать лет находила последствия смерти *завораживающими*.

Взглянув на дедушку, она склонила голову набок, хотя мама говорила ей этого не делать, поскольку так не ведут себя юные леди из хороших семей.

Ее мама, столь изящно всхлипывавшая по другую сторону неподвижного тела в объятиях отца, прижимала к носу тонкую ткань, плечи ее легонько вздрагивали. Салем не сомневалась, что мама грустит.

Сама она тоже испытывала грусть. Протянув руку, Салем погладила мягкую шерсть Джуни, казавшуюся такой теплой. Теплой и подвижной. Перед глазами пронесли воспоминания: как Джуни следовала за ней в лес

за их большим домом, облизывала ее лицо, когда малышка возвращалась из школы, толкалась в ладонь, выпрашивая ласку, и лежала рядом с ней, когда Салем находилась одна. Джуни, хоть и была собакой, оставалась единственным членом семьи, кто любил Салем такой, какая она есть, и никогда не требовала от нее перемен, невзирая на так называемые «причуды», как выражалась ее мать.

Джуни потерялась о Салем в своей успокаивающей манере, чуть медлительнее ввиду своего возраста, и Салем знала: когда Джуни не станет, она будет скучать, очень сильно скучать по ней.

Пока девочка сидела в похоронном бюро, в ее голове возник вопрос.

— Что теперь будет с его телом? — спросила Салем и тотчас поджала губы, словно пытаясь удержать слетевшие с них слова, подумав, что, возможно, сейчас не лучшее время для удовлетворения своего любопытства. Такова ее привычка: открывать рот в неподходящий момент и озвучивать совершенно неподобающие слова. Она не хотела прозвучать грубо, просто так получалось, светские беседы никогда не давались ей легко. Хотя мама этого не говорила, но семью смущало поведение Салем. Отчасти она была с ними согласна.

— Замолчи, чудачка, — пробормотала ее старшая сестра, набирая текст на телефоне даже на похоронах, пусть почти все гости уже и разошлись.

Оливия. Утонченная и правильная Оливия. Идеальная зеница материнского ока — Оливия. Безупречная искра отцовской жизни — Оливия. Жалкое проклятие существования сестры — Оливия.

Салем не знала, какими должны быть старшие сестры, но, если все они соответствовали образу Оливии, этот мир обречен. Не то чтобы она была плохим человеком. Нет, на самом деле Салем видела, как сестра сияла и вела себя мило со всеми вокруг, помогала людям, дарила улыбки и получала награды. Все любили Оливию. Все сдували пылинки с Оливии. Все ждали Оливию. Все, кроме Салем.

Она не ведала этому причин, не понимала, да и, откровенно говоря, сейчас ей было все равно.

Еще недавно она ждала, что родители, возможно, поправят старшую сестру и отчитают за то, что та назвала ее чудачкой. Но только не теперь. Теперь Салем притворялась взрослой и мысленно использовала в ответ слова типа «порицаю», поскольку настоящие взрослые в ее жизни не собирались этого делать.

На самом деле они даже не виноваты.

Теперь уже Салем понимала, что всех расстраивает, когда кто-то тычет пальцем в мертвых животных и вскрывает их, чтобы взглянуть на внутренности. Похоже, если верить книгам из взрослой секции библиотеки, подобные действия детей служили прецедентом преступного поведения. Прецедент. Ее новое любимое слово недели.

Но Салем не считала себя преступницей. Она не хотела никого убивать. Напротив, от одной этой мысли у нее сводило желудок. Ей лишь хотелось вскрывать уже мертвые тела и изучать внутренности, чтобы выяснить причину их гибели. Именно это завораживало Салем больше всего, а не само действие.

— Могу я побыть с ним наедине, Хавьер? — шмыгнув носом, спросила ее мама, поворачиваясь к отцу.

— Конечно, дорогая, — согласился он, кивнув одному из сотрудников. Его кожа оливкового оттенка, как и у Салем, казалась ярче в резком свете клиники. — Выведи детей.

Оливия направилась к двери еще до того, как последнее слово слетело с уст отца, агрессивно набирая текст на телефоне, который, казалось, в последнее время буквально приклеили к ее рукам. Салем стало интересно, с кем сестра так много общается. Ее собственный телефон, словно кирпич, оттягивал карман и служил в основном для чтения, просмотра фильмов и изучения форумов, для которых она слишком мала. Но именно там обычно и находилось самое интересное.

— С кем ты переписываешься?

Слова вырвались изо рта Салем раньше, чем она успела их остановить. Уже дважды за несколько минут. Ей стоило поработать над собой. Она проследовала за сестрой наружу, но, прежде чем покинуть помещение, обернулась, чтобы взглянуть на Джуни, и ощутила, как сжалось сердце от присущей старости неподвижности ее меховой спутницы, в которой когда-то бурлила жизнь.

— Не твое дело.

Брошенные слова вернули внимание Салем к Оливии, и она зачарованно наблюдала, как милое лицо сестры окрашивает румянец. Оливия редко краснела. Пусть Салем не очень жаловала сестру, тем не менее она знала ее вдоль и поперек. *Очень интересно.*

Она запрыгнула на один из скрипучих стульев в холле, слегка болтая ногами в кроссовках над полом. Оливия заняла соседнее место, плотно поставив ноги на пол.

— Расскажи мне, — настаивала Салем. — Обещаю никому не говорить.

Сестра скользнула по ней взглядом, а затем закатила глаза.

— Ох, ты раздражаешь.

Салем терпеливо ждала; пусть ее так и тянуло повторить вопрос, она знала, что Оливия терпеть не может тишину. Ей постоянно нужно было ее заполнить, что она и сделала.

— Ладно. С парнем из Мортимера.

Салем округлила глаза. В их мире университет Мортимер имел большое значение. Там учились те, кто обладал определенными привилегиями и родословной; настолько эксклюзивное и элитное учебное заведение, что в своих социальных кругах его выпускники приравнивались к богам, становясь символами власти и престижа. Поступить туда могли лишь избранные.

В семье Салазар это считалось еще более важным событием, поскольку именно там прадед Салем познакомился с ее прабабушкой, и с тех пор все их потомки поступали